

ТЕРЕМОК

Перезагрузка

Сборник рассказов

Гала
Артанже

Ольга
Ветрова

Юлия
Карелова

Елена
Самоделова

Татьяна
Филатова

Таш
Эниклис

Эд
Кузиев

Аркадий
Люборацкий

Роман
Медведев

Алан
Тагаев

Анатолий
Терешонок

Татьяна Филатова

Теремок. Перезагрузка

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2026

Филатова Т.

Теремок. Перезагрузка / Т. Филатова — «Автор», «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», 2026

Теремок - это сказка, которую мы знаем с самого детства, но с возрастом понимаем, что в ней возможно гораздо больше смыслов, чем те, которые приходят в голову малышам. Несколько авторов, пишущих в самых разных жанрах, переосмыслили канонический сюжет и вот что из этого получилось

© Филатова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Теремок Перезагрузка	7
ТЕРЕМОК. ДЕЛО № 1	9
Пролог. Деревянный труп	10
Место преступления	11
Мышка, которая знала слишком много	12
Лягушка-скандалистка	14
Зайчик-побегайчик и его алиби	15
Лисичка-сестричка знает цену информации	17
Волчок-серый бочок и разговор о деловых интересах	18
Барсук — страховой агент	20
Признание Михал Потапыча	21
Развязка на поляне у Кривой Берёзы	23
Эпилог. Новый теремок	25
ТЕРЕМОК. Заколдованный лес	27
Глава 1. Мышка-Норушка	28
Глава 2. Лягушка-Квакушка	29
Глава 3. Зайчик-побегайчик	31
Глава 4. Лисичка-сестричка	33
Глава 5. Волчок-Серый бочок	35
Глава 6. Медведь Косолапый	37
НАСЛЕДНИЦА	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Теремок. Перезагрузка

Теремок Перезагрузка

Теремок – это сказка, которую мы знаем с детства. Но давайте поглядим на нее с других ракурсов. Детектив? Романтическая история? А, может, ледянящий душу хоррор? Или же философия в стихах?

Итак... Двери нашего Теремка открываются...

Тук-тук-тук!

Кто в теремочке живет?..

ТЕРЕМОК. ДЕЛО № 1

Лесной детектив

Пролог. Деревянный труп

Дождь в то утро лил такой, что даже улитки жаловались на сырость. Я, Филин Филиппыч Сычов, частный детектив с сорокалетним стажем и хроническим недосыпом, сидел в своём дупле на Старом Дубе и медитировал над чаем из желудей, когда постучали. Три коротких, потом один длинный удар кольца в дверь. Обычно так стучат очень воспитанные звери.

— Входите, — сказал я, не открывая глаз.

Вошёл Ёж Игнатьич, участковый инспекции порядка, весь мокрый и колючий, как всегда, но сегодня колючий вдвойне.

— Филиппыч, беда, — сказал он и уронил на стол мокрый лист лопуха, служивший участковому шляпой. — Теремок разрушен.

Я приоткрыл один глаз.

— Тот, что на поляне у Кривой Берёзы?

— Он самый. В щепки. В труху. Живого места не осталось. Хотя вру... труба целёхонькая, торчит, как памятник самой себе.

Я открыл второй глаз. Это меняло дело. Теремок на поляне у Кривой Берёзы был не просто домиком, а местной достопримечательностью, символом лесного добрососедства, братства и, чего уж там, предметом зависти половины обитателей леса. По слухам, в нём успели пожить аж пятеро: Мышка-норушка, Лягушка-квакушка, Зайчик-побегайчик, Лисичка-сестричка, Волчок-серый бочок и, наконец, попытался и шестой — Медведь Михал Потапыч.

— И что, есть виновник погрома? — спросил я, потянувшись за плащом.

— Есть, — вздохнул Ёж. — Есть свидетели и даже отпечаток. Вернее, отпечаток — это мягко сказано. Там весь теремок и есть сплошной отпечаток.

— Чей?

— Медвежий, Филиппыч. Медвежьего зада, если точнее. Все звери в один голос кричат: Михал Потапыч раздавил теремок. Дело, можно сказать, закрыто, оставалось только оформить протокол.

— Если дело можно закрыть, — сказал я, поднимаясь со своего насиженного кресла, — значит, кто-то очень хочет, чтобы это произошло побыстрее. В моей практике, Игнатьич, чем очевиднее виновный, тем интереснее вопрос: кому выгодно, чтобы всё выглядело очевидным?

Ёж посмотрел на меня так, как смотрят все участковые на частных детективов: с уважением и лёгким раздражением одновременно.

— Значит, идём смотреть, Филиппыч?

— Идём, — ответил я и надел шляпу и плащ, — И по дороге Расскажи мне всё, что знаешь про этот теремок. С того дня, как в нём первой поселилась Мышь... а то я что-то уже забывал: склероз подкрался неожиданно...

Место преступления

Поляна у Кривой Берёзы встретила нас скорбной тишиной и запахом древесной трухи. То, что раньше было теремком с расписными наличниками и печной трубой (труба, к слову, торчала из груды брёвен, как единственный уцелевший зуб), теперь напоминало преднамеренно раздавленный пирог.

Заложив крылья за спину, я обошёл руины по кругу. Эту фишечку с крыльями я перенял у своего учителя, старого Ворона Аристарха Кузьмича, уже покойного... Царствия ему небесного!

Я вынул из кармана свой зоркий третий глаз — лупу, доставшуюся мне в наследство от Ворона, и присел на корточки у груды останков теремка.

— Обратите внимание, Игнатьич, брёвна треснули не сверху вниз, как было бы, если кто-то тяжёлый сел на крышу, а разошлись по шву. Как будто домик готов был развалиться ещё до того, как на него сели. И... гляньте-ка, в древесине муравьиные ходы!

— То есть? — Ёж сморщил нос, отчего стал похож на вопросительный знак.

— То есть, дорогой Игнатьич, возможно, что наш подозреваемый Медведь просто оказался в нужном месте в неправильное время. Или в неправильном месте в нужное для кого-то время.

Я поднял с земли щепку и понюхал её. Пахло смолой, сыростью и, что странно, чем-то сладковатым.

— Мёдом, что ли, помазано? — удивился я.

— Ну ещё бы, Филиппыч, тут же Медведь сидел! А его шкура, включая пятую точку, вся медком и пропахла. Жаловались, что он в ближайшей деревне пасеку вскрыл.

— Эх, дружище, в нашем случае не просто запах, но и наличие мёда на щепке с внутренней стороны сруба. Впечатление, что кто-то мазал стены. И это явно не следы неуклюжего зада Потапыча.

Ёж почесал коротенькой лапкой затылок, уколовшись при этом о собственные торчащие во все стороны иголки, что было для него обычным делом.

— А может, кто-то хотел, чтобы сюда потянуло Медведя. Мёдом, Игнатьич, медведей и приманивают, — продолжил я задумчиво, — в прошлом году двоих в зоопарк так и выловили.

Я выпрямился и посмотрел на поляну. Вокруг нас, в кустах, за пеньками и из-под листьев, начинали появляться любопытные морды. Весь лесной народ уже прослышал о трагедии и рвался поделиться версиями.

— Что же, — сказал я, вынув из внутреннего кармана плаща потрёпанный блокнот и огрызок карандаша. — Сначала уточнения для протокола. Кто первый заселился в теремок?

— Мышка-норушка, — ответил Ёж. — Она его, собственно, и нашла. Пустой стоял, ничей.

— Отлично. С неё и начнём.

Мышка, которая знала слишком много

Мышка-норушка оказалась особой нервной, суетливой и до крайности говорливой, как все свидетели, которые больше всего на свете боятся оказаться подозреваемыми.

— Я тут ни при чём! — заявила она, едва усевшись на пенёк напротив меня. Хвост её метался из стороны в сторону, как маятник у часов, которые вот-вот пробьют полночь. — Я самая маленькая! Что я могла раздавить, я сама чуть не потерялась в этом тереме!

— Никто вас и не обвиняет, — успокоил её я, хотя за годы практики выучил: кто первым кричит «я не виноват», обычно первым и знает, кто виноват на самом деле. — Расскажите мне, как вы нашли теремок.

— Бегу я, значит, по поляне, — затараторила Мышка, — а тут теремок стоит. Пустой-препустой. Я и говорю: «Терем-теремок, кто в тереме живёт?» Никто не отзывается. Я и продолжила: «Повернись ко мне передом, а к лесу задом».

— И он повернулся?

— Да что вы! Это же иносказательно, как в сказке. Открыла скрипучую дверь и вошла.

— И стали жить в нём одна?

— Одна, ага. Хорошо жила, спокойно. Тишь да гладь да божья благодать.

— А потом?

— Потом Лягушка пришла проситься.

— Легко пустили?

Мышка замялась, глазки-бусинки забегали.

«Волнуется, — подумал я, — и это весьма подозрительно».

— Ну... не сразу, — Мышка отвела взгляд. — Я сперва не хотела. Но она такая настойчивая оказалась, всё квакала под окном, спать не давала. Пришлось пустить.

Я записал показания в блокнот и поставил рядом маленький вопросительный знак. Первая деталь, не сходящаяся с официальной версией леса, что все звери жили в теремке душа в душу.

— А когда теремок рухнул, вы видели Медведя? Как это было?

Мышкины усики затряслись.

— Ой, я в это время как раз в кладовке была. Ничего не видела! Только грохот слышала. И всё вдруг рухнуло, я еле выскочить успела через щёлку под порогом!

— Интересно, что вы оказались в кладовке именно в тот момент. У вас там что, важные дела были?

— У мышей всегда важные дела. Зерно я перебирала — запасы на зиму! — огрызнулась Мышка, и глазки забегали ещё быстрее.

— Я вижу у вас на лапке засохшее янтарное пятнышко... и от него исходит запах гречишного мёда. Кто предложил идею намазать брёвна мёдом? — спросил я, подавшись вперёд.

Мышка застыла. Она растерялась бы меньше, если бы я вытащил из шляпы дрессированного кролика, а не вопрос, на который у неё не было заготовленного ответа.

— Лиса, — пискнула она еле слышно.

— И зачем?

— Сказала, что мёд для уюта. У дома должен быть запах. Тёплый. Сладкий. Дом без мёда — это не дом, а просто коробка с крышей. И ещё сказала, что с мёдом аура будет как в лучших домах Лондона.

— И вы поверили?

— Ну... — Мышка смутилась. — В Лондоне я не была, а она, плутовка, красиво говорит.

И это было правдой. Лиса всегда говорила красиво. Некоторые говорят красиво, чтобы убедить. Лиса — чтобы направить туда, куда ей выгодно.

— И вы решили устроить уют с помощью мёда?

— Да.

— Чужого мёда?

Её уши чуть дёрнулись. Хвост, до этого неподвижный, начал нервно скручиваться тонкой пружинкой.

— Ничего подобного! — возмутилась Мышка. — Он был у нас в кладовке. Значит, общий.

— А кто его туда принёс?

Мышка замолчала, потупив взор.

Вот тут я уже окончательно понял: если она и не украла мёд, то точно знает, кто это сделал.

— Мышка, — сказал я мягко, — не надо изображать невинный вид, что вы здесь случайно мимо проходили.

— Я не хотела ничего плохого, — пробормотала она.

— Фёкла!

Она вздрогнула.

Да, я уже знал, что её зовут Фёкла, хотя звериный мир почему-то считал, что «Мышка-норушка» звучит солиднее. Но в расследовании имя важно, потому что на него реагируют быстрее.

Но с Мышкой всё произошло наоборот. От неожиданности она застыла, как будто я произнёс не её имя, а обвинительный приговор, и, ничего не ответив, шмыгнула в ближайшую норку.

Я посмотрел на Ежа, а он только растерянно развёл лапками.

— Игнатьич, запишите: Мышка — свидетель ненадёжный. Кандидат в подозреваемые.

Лягушка-скандалистка

Лягушку-квакушку мы нашли у ручья. Она сидела на кочке, вытянув задние лапки и сложив передние на животе, совсем как старшая родственница, приехавшая на семейный совет контролировать, чтобы никто не переборщил с истерикой. Взгляд у неё был цепкий, голос на столько уверенный, что становилось ясно: если Лягушку и уличить в чём-то, то уж точно не в скромности.

— Спрашивайте, — великодушно разрешила она.

— Как вы попали в теремок?

— Постучалась и вежливо попросилась. Как всякий культурный житель леса.

— Мышка утверждает, что вы квакали под окном и спать не давали, пока она не согласилась.

Лягушка фыркнула. Громко, насколько вообще может фыркать лягушка.

— Мышка вечно всё преувеличивает. Я просто настойчиво выражала своё желание жить в тереме. У меня, между прочим, были на это основания. Пруд, в котором я жила раньше, обмел. Мне нужно было новое жильё, а этот теремок стоял на отличном месте рядом с ручьём.

— Ах вот оно что! — ухнул я. — Значит, вы выбрали теремок не случайно, а из-за близости к воде.

— Ну разумеется! Я же не сухопутная какая-нибудь тварь! Я комфорт люблю.

Я сделал пометку: мотив для вселения у Лягушки был — удобное расположение теремка. Не убийственный мотив, прямо скажем, но в моей практике дома не разваливаются из-за одной причины. Обычно их разваливает целая цепочка маленьких мотивов, наложенных друг на друга, как блины на тарелку в Масленицу.

— Расскажите, как пришёл Заяц.

— Заяц? Говорит, бежал от матёрого лиса, попросился переночевать. Мы его и пустили. Он тихий, я его почти и не запомнила.

— А Лису вы запомнили?

Тут лягушачьи глаза как-то нехорошо заблестели.

— Лису — да. Лису я запомнила отлично. Хитрая бестия! Вы знаете, она в теремок не сразу попросилась. Она сперва вокруг него кругами ходила три дня и всё облизывалась.

Я эффектно поднял бровь, насколько это вообще возможно у филина (репетировал перед зеркалом).

— Три дня кругами?

— Три дня! Я видела из окна. Всё что-то высматривала, вынюхивала. А потом уже, на четвёртый день, постучалась вежливенько так: «Пустите Лисичку-сестричку». Ну и пустили, кто же знал...

Это была первая по-настоящему интересная деталь за всё утро. Лиса не просто попросилась в теремок, она предварительно вела разведку. Три дня — солидный срок для простого любопытства.

— Последний вопрос, Лягушка. Кто первый предложил намазать стены мёдом?

Лягушка моргнула нижним веком. Была она единственным существом в округе, способным на такой трюк, и это всегда производило неприятное впечатление.

— Мёдом? Первый раз слышу. У нас в тереме мёда отродясь не водилось, он же не улей на пасеке.

Я поблагодарил её и отпустил. По дороге к следующему пеньку я шепнул Ежу:

— Заметьте, Игнатич: Мышка знала про мёд и делала вид, что не знает. Лягушка искренне не знала. Значит, затея с мёдом появилась позже, чем поселилась Лягушка. Кто-то принёс эту затею в теремок вместе с собой.

Зайчик-побегайчик и его алиби

Заяц оказался, как я и предполагал по рассказам, самым нервным свидетелем из всех, но по совершенно другой причине, чем Мышка. Мышка боялась, что её заподозрят. Заяц боялся вообще всего на свете и от этого выглядел до странности честным: слишком напуган, чтобы врать складно.

— Я- я-я ни при чём, я даже не видел, как всё случилось, меня там не было! — выпалил он, прежде чем я успел задать хоть один вопрос.

— А где вы были?

— Убежал! За два дня до того, как теремок рухнул, убежал! Понимаете, там становилось тесно, ужасно тесно, а я не люблю тесноту, у меня от неё лапы потеют, а когда у зайца потеют лапы, это очень плохой знак...

— Заяц, — сказал я как можно спокойнее, — почему вы ушли именно за два дня?

Заяц замер, будто увидел лису, хотя лисы поблизости не было, если не считать той, которая скоро должна была занять этот самый пенёк.

— Потому что... потому что Волк пришёл.

— И что с того, что пришёл Волк? Он вас обидел?

— Нет, что вы, Волк, вообще-то, вежливый, тихий такой. Только он... — Заяц понизил голос до дрожащего шёпота, — он всё время выходил по ночам. Сначала я думал, что на луну поковылять, но нет... Он бродил вокруг теремка и что-то вынюхивал. Вынюхивал в прямом смысле слова.

— В брёвнах? — переспросил я, почувствовав, как дело, как тесто под скалкой опытной хозяйки, начинает обретать форму.

— Ну да! Он бормотал что-то вроде «пропитались уже, наверное, и скоро созреют». Я тогда подумал: мало ли... может моего созревания до убойного веса ждёт... у волков свои причуды, и решил, что лучше мне уйти, пока цел. Ушёл к своей тётке за Осиновую рощу.

Я подался вперёд.

— «Пропитались, скоро созреют» — вы уверены, что слышали именно эти слова?

— Ну... не дословно, но что-то очень похожее! Я половину слов не разобрал, у меня уши от ужаса сами собой к щекам прижались.

Тем не менее эта информация оказалась золотом. Значит, Волк интересовался, «пропитались» ли брёвна теремка. Пропитались чем? Конечно же, мёдом! А то чем ещё?

— Скажите, Заяц, а вы видели, кто мазал стены мёдом?

Заяц вздрогнул так, что чуть не подпрыгнул на месте.

— Откуда вы знаете про мёд?!

— Значит, видели.

— Не видел! То есть... я видел один раз ночью в окно, как Мышка тащила в зубах что-то липкое и жёлтое, размером с неё саму, и заносила это внутрь через щель у порога. Но я подумал, что это просто её запасы, мыши же вечно что-то тащат, к зиме готовятся.

Вот и появилась первая настоящая улика против Мышки.

— И не вышли посмотреть?

Зайчик взглянула на меня почти с жалостью.

— Это лес, детектив. Если каждый раз выходить посмотреть, кто там шуршит, можно вообще спать не ложиться. Это вам филинам и совам хорошо — вы днём отсыпаетесь...

Игнатич согласно кивнул.

Я поблагодарил Заяца, и он тут же ускакал прочь, словно боялся, что за его признание кто-то пульнёт в него шишкой.

— Ну что, Игнатьич, — я захлопнул блокнот. — Мышка таскала мёд в теремок. Волк интересовался, «пропитались» ли брёвна. Складывается интересная картина, не находите?

— Думаете, они сговорились? — спросил Ёж, наморщив нос.

— Пока рано делать выводы. Идёмте к Лисе. У неё, если помните, было целых три дня разведки перед заселением.

Лисичка-сестричка знает цену информации

Лиса встретила нас с той особой любезностью, которая у лис всегда означает: «мне есть что скрывать, но я умнее вас, поэтому расслабьтесь».

— Господин детектив, — промурлыкала она, изящно раскинув рыжий хвост на пенёк, как будто подготовилась позировать для портрета. — Наслышана о вашей репутации. Говорят, вы раскрыли дело за один вечер о пропавшем сыре в Бобровой норе.

— За два, — поправил я.

Лиса улыбнулась одними уголками рта, подобной улыбке мог бы позавидовать любой профессиональный карточный шулер.

— Расскажите мне, Лисичка, почему вы три дня кружили вокруг теремка, прежде чем попроситься на постой.

Губы её чуть дрогнули, почти незаметно, но я слишком стар и опытен, чтобы упустить такой знак.

— Я осторожная особа, — сказала она наконец. — Прежде чем куда-то вселяться, я предпочитаю изучить обстановку. Мало ли какие соседи, мало ли что за домик: в вдруг там блохи водятся?!

— И что вы изучили?

— То, что домик стоит на хорошем месте, — она снова улыбнулась, теперь шире, — отличный вид на ручей. Идеальное место для... как бы это сказать... долгосрочного вложения.

— Вложения? — переспросил я. — Странное слово для описания дома, в котором собираешься просто жить.

Лиса только пожала плечами. И в этом была вся суть лисьей философии: «я скажу ровно столько, сколько мне выгодно, и ни словом больше».

— Хорошо, — сказал я, меняя тактику. — Тогда расскажите мне про Барсука.

Тут уже дрогнули не только губы, но и хвост, до этого лежащий изящно и совершенно неподвижно.

— Откуда вы... — начала было Лиса и тут же осеклась, взяв себя в лапы. — Не понимаю, о чём вы... какой такой Барсук? Страховой агент не проживал с нами.

— Игнатъич, — сказал я, не отрывая взгляда от Лисы, — а ведь я ничего не говорил про должность Барсука. Занятно, что Лисичка так отреагировала. Может, дом был застрахован?

Ёж, до этого честно записывающий показания, поднял голову с удивлённым видом: он тоже впервые слышал о Барсуке в этом деле. Да, это был мой маленький трюк, старый как лес: поймать подозреваемого на удочку, назвав недоказанный пока факт с полной уверенностью и посмотреть, как «рыбка» отреагирует.

Лиса поняла, что попалась, но виду не подавала, и это делало ей честь как профессиональной плутовке.

— Хорошо, — вздохнула она наконец, — Барсук действительно приходил к нам. Дней за десять до... до происшествия. Предлагал застраховать теремок «от непредвиденных случаев». Говорил, время сейчас такое: то дерево подгниёт, то зверь неаккуратный залезет... А недвижимость в наше время в цене, тем более приватизированная.

— И вы согласились?

— Не я, — поспешно ответила Лиса. — Я вообще не хозяйка теремка, если вы забыли, я там просто жила, как и все. Спросите Волка, это он с Барсуком разговаривал дольше всех.

— Отлично, — сказал я вставая. — Мы как раз к нему и направляемся.

Волчок-серый бочок и разговор о деловых интересах

Волк оказался немногословным типом с тяжёлым взглядом. Он присел у пня так, чтобы в любой момент мог сорваться с места: или напасть, как охотничий пёс, или убежать, как трусливый шакал... и никогда не поймёшь, какой вариант был вероятнее в этом случае.

— Что вам нужно, Филин? — спросил он вместо приветствия.

— Правда, — коротко ответил я. — Расскажите про Барсука.

Волк смерил меня долгим взглядом, потом всё-таки заговорил, взвешивая каждое слово, как будто оно могло стоить ему шкуры.

— Барсук — страховой агент. Пришёл к нам, предложил застраховать теремок. Я слушал, потому что мне было интересно, как это работает. Вот и всё.

— Заяц утверждает, что вы по ночам ходили вокруг дома со словами «брёвна пропитались и скоро созреют». Что это значило?

Волк неожиданно фыркнул с натянутым смешком, хотя ни капли веселья в его глазах не наблюдалось.

— Заяц вечно всё не так понимает, у него от страха уши в трубочку сворачиваются.

— Продолжайте.

— Мышь притащила банку мёда. Между прочим, украла её у Медведя из его кладовой в дальнем овраге, пока Потапыч спал. И начала мазать мёдом стены изнутри. Я спросил, зачем. А она мне и говорит: хочет, чтобы Медведь учуял любимый запах и сам напросился к нам в теремок. Мол, он точно защитит теремок от тех, кто на него позарится. И тогда не будут приходить чужаки клянчить ночлег, и непорядочные агенты не станут настаивать на страховке теремка за баснословный взнос... Мол, за медвежьей-то спиной спокойнее будет.

Вот теперь картина вставала на место, как последний кусочек мозаики. Мышка хотела приманить Медведя, чтобы использовать его как живую бесплатную охранную систему.

— А при чём тут «созреют»? Созреют до чего? До подписания страховки?

Волк усмехнулся, на этот раз без злобы, скорее с усталым сарказмом, давно смирившись, что его вечно не так понимают.

— Я говорил про брёвна, которые Мышь без конца поливала мёдом то с одной стороны, то с другой, экспериментировала, где лучше пахнет. Вот и бормотал себе под нос: мол, скоро уже пропитаются насквозь и мёдом за версту разить будет, вот тогда Медведь точно созреет и придёт. Дурак Заяц решил, что я замышляю что-то злое.

— А Барсук? Он знал про план с мёдом?

Волк призадумался впервые за весь разговор.

— Барсук знает про всё, что происходит в этом лесу. Такая у него работа. Он приходил не раз. И, помнится, очень одобрительно отнёсся к идее с мёдом. Даже подсказал, где Потапыч хранит мёд погуще.

Тут-то у меня и созрела гипотеза, от которой в перьях начало покалывать. А это верный знак того, что дело близится к разгадке.

— Последний вопрос, Волк. Если Барсук предлагал застраховать теремок «от непредвиденных случаев», не уточнял ли он, часом, кто здесь главный, на кого оформлено, а кто просто проживает?

— Уточнял.

— И что вы ответили?

— Что я здесь не главный. И если он хочет выяснить, на кого оформлен теремок, пусть сначала перестанет делать вид, что пришёл с благой целью. И ещё... что я своей выгоды от сделки не вижу.

— А он?

— А он сказал, что «всё можно уладить».

Это был один из тех ответов, которые в лесной практике всегда звучат умнее, чем кажутся. Потому что часто именно тот, кому «всё можно уладить», потом оказывается в центре самой мутной истории.

— Волк, а кто-нибудь из вас вообще читал документ?

Он хмыкнул.

— А вы думаете, кто-нибудь у нас любит читать то, что подписывает?

— Вы — нет?

— Я хотя бы спрашиваю. Лиса обсуждает. А остальные думают, что раз бумага тонкая и не пахнет, значит, она неопасная.

Игнатьич тихо пробормотал:

— Это, между прочим, очень по-людски.

Волк довольно кивнул, будто это было комплиментом лично ему и посмотрел на Игнатьича долгим взглядом, в котором мелькнуло что-то похожее на уважение.

Я захлопнул блокнот.

— Игнатьич, кажется, нам пора нанести визит Барсуку.

Барсук — страховой агент

Барсук занимал самую солидную нору во всём лесу с отдельным кабинетом, стойкой из берёзовой коры для документов и табличкой на входе: «Барсук Б.Б. Страхование лесной недвижимости от всех случаев. Приём по вторникам и четвергам».

Сегодня был понедельник, но мы всё равно вошли без стука.

— А, детектив, — Барсук ничуть не удивился нашему визиту, что уже само по себе было подозрительно. — Наслышан о вашем расследовании. Присаживайтесь. Чаю?

— Обойдёмся, — сказал я и присел на предложенный табурет из пня. — Расскажите мне про страховку теремка.

— Обычное дело, — Барсук пожал плечами с той же деланной небрежностью, что и Лиса. Видно, они учились этому жесту в одной школе. — Стандартный полис. Домик застрахован на случай пожара, наводнения, ну и, конечно же, обрушения.

— И кто оформил этот полис?

— Формально — все жильцы теремка сообща. Ну а фактически роспись поставили те, кто умеет писать. То есть я и Лиса, остальные просто приложили лапы для отпечатка.

— Сумма страховки большая?

Барсук слегка поёрзал на стуле из желудёвой скорлупы.

— Достаточная, — уклончиво ответил он.

— Настолько достаточная, что вам было выгодно, чтобы теремок именно обрушился, а не сгорел, скажем, или не подмок?

Его полосатая морда слегка побледнела.

— На что вы намекаете, детектив?

— На то, что вы, Барсук Борисович, через Лису подсказали Мышке идею с мёдом. Более того, навели её, где раздобыть мёд погуще, как любит Михал Потапыч. Вы прекрасно понимали, что мёд приманит Медведя — самого тяжёлого обитателя в лесу. Вы знали, что теремок построен из не самых прочных брёвен и попросту не выдержит медвежьего веса. И, что самое важное, при обрушении здания страховая выплата втрое больше обычной.

Барсук молчал, нервно постукивая когтем по столешнице.

— Более того, — продолжал я, — Вы всё просчитали заранее, как хороший инженер... Только инженер с другой стороны баррикад: не построить дом прочнее, а точно знать, когда и как он рухнет.

— Это всё домыслы! — не выдержал Барсук. — Я не заставлял Мышь мазать стены мёдом! Не я звал Медведя в гости!

— Верно, — согласился я. — Вы никого не заставляли. Вы просто создали условия, при которых цепочка мелких, вполне невинных на первый взгляд решений привела к ровно тому результату, который был выгоден лично вам. Классическая схема, Барсук Борисович. Никто конкретно не виноват, но по совокупности дом разрушен из-за Мышкиной хитрости, Лисьего делового интереса, Заячьего безразличия, Волчьего любопытства и Межвежьей неуклюжести.

— Вы забыли про Лягушку, — подсказал Ёж.

— А у Лягушки-квакушки просто была любовь к сырости, — ответил я и приподнялся с пня.

В норе повисла тишина, нарушаемая только тиканьем капель с потолка — там наверху всё ещё шёл затяжной дождь.

— И что теперь? — поникшим голосом спросил Барсук.

— А теперь самое время выслушать главного подозреваемого. Того, кто на самом деле был в теремке, когда он обрушился. Пойдёмте, Игнатич. Нас ждёт Медведь.

Признание Михал Потапыча

Медведь Михал Потапыч, вопреки ожиданиям, встретил нас не рычанием и не попыткой к бегству, а глубоким, почти философским вздохом — он давно уже смирилось со своей репутацией главного лесного разрушителя.

— Ну наконец-то, — рыкнул он, устраиваясь поудобнее на пригорке. — А то все меня уже осудили, а спросить толком никто и не удосужился.

— Так расскажите, как всё было, — попросил я, присаживаясь рядом с ним.

— Иду я мимо поляны, никого не трогаю, — начал Медведь неторопливо, как и подбаивает зверю его комплекции. — И вдруг чую — мёдом пахнет. Да так сильно, словно прямо в этом теремке пасека завелась. Я, естественно, заинтересовался. Подошёл, стучу, спрашиваю вежливо: «Терем-теремок, кто в тереме живёт?» Они мне все по очереди представились — Мышка, Лягушка, Лиса, Волк. Спрашиваю: «А можно и мне с вами?» Они говорят: «Пожалуйста, входите. Только тесно у нас, поэтому поосторожнее».

— И вы попытались быть осторожным?

— Ещё как попытался! — Медведь возмущённо взмахнул лапой. — Я легонько привстал на пороге, чтобы протиснуться боком, аккуратненько так: сначала одна лапа, потом другая. А тут — трах — бабах! — весь угол и скособочился. Ну а дальше, сами понимаете, уже как снежный ком: одна стена потянула за собой другую, крыша просела, и всё, поминай как звали.

— То есть вы не ломали теремок специально? — спросил я.

— Конечно нет! — обиделся Медведь. — Я что, по-вашему, совсем без совести? Если бы я хотел что-нибудь сломать, я бы хоть предупредил.

Игнатыч тихо прыснул.

Медведь обернулся к нему.

— Смешно тебе?

Ёж тут же сделал вид, что это не он. Очень выразительно сделал вид. Даже слишком.

— Извините, — быстро буркнул он.

— Ну-ну, — проворчал Медведь.

Я решил не заикливаться на неловкости.

— Хорошо, Потапыч. Нам надо записать ваши показания официально, поэтому спрошу повторно для протокола.

— Ну спрашивайте, если положено. Язык-то не отсохнет.

— То есть вы утверждаете, что дом обрушился не потому, что вы сели на него, а потому, что он был изначально ненадёжен?

— Филиппыч, дорогой, — Медведь посмотрел на меня с неожиданной обидой, — да я двадцать лет в этом лесу живу и на что только не садился за это время: и на пни трухлявые, и на старые коряги, но ни разу ничего подобного не случилось. А тут стоило только лапой о порог опереться — и всё в труху. Дом-то, если честно, ещё до меня шатался. Слышал я, как брёвна поскрипывали от ветра, когда я подходил.

Я кивнул. Всё сходилась идеально, как хорошо пригнанные половицы.

— Последний вопрос, Михал Потапыч. Вы знали, что мёд, которым пропахли стены, был из ваших собственных запасов, хранившихся в овраге?

Медведь застыл с открытой пастью, что при его размерах производило особо сильное впечатление.

— Моим?! — взревел он так, что с ближайших деревьев посыпались листья. — Так вот куда пропала банка! Я-то, грешным делом, на Барсука подумал: спёр, когда приходил ко мне с советом сменить место жительства.

— Вы, Михайло Потапыч, не так уж далеки от истины. В некотором смысле... — усмехнулся я, — Без Барсука здесь не обошлось.

Развязка на поляне у Кривой Берёзы

Мы собрали всех участников этой истории на той же поляне, где всё началось — традиция, без которой ни один уважающий себя детектив не считает дело закрытым. Мышка нервно теребила хвост, Лягушка сидела с гордо поднятой головой, Заяц дрожал даже без видимой причины, Лиса скучающе разглядывала облака, Волк держался особняком, Барсук пытался выглядеть максимально незаметным, а Медведь навис над всей компанией, как грозовая туча над пикником.

— Итак, — начал я, чувствуя привычное удовольствие от момента, когда все нити расследования сплетаются в один аккуратный узел, — теремок разрушился не по чьей-то одной воле, а благодаря целой цепочке решений, каждое из которых по отдельности казалось совершенно безобидным.

Я обвёл всех взглядом.

— Мышка-норушка, поселившись первой, решила, что чем больше защитников у дома, тем безопаснее, и с подачи Лисы задумала план, как приманить самого сильного зверя, чтобы он взял теремок под свою опеку.

Мышка виновато опустила глаза.

— Лягушка выбрала это место из-за близости к ручью, не подумав, что сырость медленно, но верно подтачивает нижние венцы сруба. Впрочем, никакой вины в этом за ней нет.

Лягушка квакнула в знак согласия.

— Заяц тоже ни при чём. Да и не было его в теремке в момент разрушения. Но он единственный честно рассказал мне всё, что видел и слышал, хотя и перепутал малость.

Заяц просиял от неожиданной похвалы и тут же снова сжался, будто испугался собственной радости.

— Лиса разведывала теремок три дня не из праздного любопытства, а потому, что уже тогда прикидывала, стоит ли овчинка выделки в прямом смысле слова, ведь именно она в итоге подписала страховой договор от лица всех жильцов. И могла бы затем спокойно поделить страховую выплату с Барсуком, а вы ни сном ни духом и не знали бы, что всем жильцам что-то причитается.

Лиса состроила на мордочке хорошую мину при плохой игре: простите, мол, меня, пойманную на деловой предприимчивости, вполне законной, между прочим.

— Волк, вопреки слухам, ничего дурного не замыслил. Он просто наблюдал за происходящим с присущей ему настороженностью и однажды неудачно выразился так, что бедный Заяц чуть не поседел от страха.

Волк издал звук, который у волков сходит за смешок.

— Барсук, — тут я сделал паузу, и все взгляды устремились на страхового агента, — сам и составил план, как приманить Медведя, чем и поделился с Лисой Патрикеевной. А она наплела Мышке Фёкле про уют в доме с помощью мёда. Лиса рассчитывала на солидную выплату при обрушении дома. А это уже вполне осознанная финансовая стратегия и... махинация.

От общих взглядов Барсук съёжился с желанием зарыться в землю прямо здесь и сейчас, благо, что руки, точнее, лапы, для этого у него были самые подходящие.

— И, наконец, Медведь Михал Потапыч, — я повернулся к главному подозреваемому, — оказался всего лишь последней каплей, тем самым пресловутым пёрышком, которое ломает спину верблюду. Простите великодушно за смешение метафор из разных лесов. Медведь не разрушал дом ни преднамеренно, ни по неосторожности. Он вообще его не разрушал, если уж на то пошло. Просто оказался достаточно тяжёлым, чтобы завершить то, что было начато задолго до его появления.

На поляне повисла тишина. Даже дождь, будто из уважения к моменту, слегка притих.

— Что же теперь с нами будет? — тихо спросила Мышка.

Я посмотрел на Ежа, всё это время старательно записывающего каждое моё слово в протокол.

— Игнатьич, пометь, что формально преступления в юридическом смысле здесь не было. Но была цепь неосторожностей и одна недобросовестная деловая инициатива, — тут я выразительно посмотрел на Барсука. — Полагаю, справедливым решением будет следующее: Барсук возвращает жильцам страховой взнос, который они выплатили из общих запасов, и, в качестве компенсации за моральный и жилищный ущерб, организует и оплачивает строительство нового прочного качественного теремка, желательно без применения мёда во внутренней отделке.

— Это разумно, — быстро согласился Барсук, явно обрадованный, что дело не дойдёт до публичного разбирательства перед всем лесным сходом, который слыл чрезмерной строгостью.

— А Мышке, — продолжил я, — я бы порекомендовал впредь искать защиту не путём хитрых уловок за спиной соседей, а путём честного разговора. Если бы она просто спросила у зверей, не хотят ли они позвать Медведя в качестве соседа-охранника, глядишь, всё решилось бы полюбовно, без воровства мёда, смазки брёвен, из-за чего в них завелись насекомые и внесли свою лепту в разрушение древесины.

Мышка кивнула так энергично, что чуть не свалилась с пенька.

— А мне, — прогудел Медведь, — вы что посоветуете, господин детектив? Мне теперь вообще ни в один теремок не соваться?

Я улыбнулся, насколько мой клюв смог это изобразить.

— Вам, Михал Потапыч, я бы посоветовал впредь, прежде чем заходить в чужой дом, для начала уточнять его грузоподъёмность. А ещё лучше, обзавестись собственным теремом попросторнее, благо желающих составить вам компанию, кажется, теперь долго не найдётся.

Все, включая самого Медведя, дружно рассмеялись. Рассмеялись впервые за долгое дождливое расследование.

Эпилог. Новый теремок

Через месяц на поляне у Кривой Берёзы вырос новый теремок, куда прочнее прежнего, с крепкими дубовыми венцами, широкими дверными проёмами и, что немаловажно, безо всякого мёда в отделке.

Барсук, как и было условлено, оплатил всё строительство до последнего гвоздя, попутно пересмотрел свою систему выдачи страховых полисов лесной недвижимости. Говорят, отныне он лично проверяет качество брёвен перед подписанием любого договора.

Мышка, Лягушка, Заяц, Лиса и Волк по-прежнему живут вместе по-соседски.

А Медведь Михал Потапыч, наученный горьким опытом, всё-таки выстроил себе отдельную просторную берлогу, и, по слухам, застраховал её у другого агента, живущего в трёх лесах отсюда.

Что до меня, то я вернулся в своё дупло на Старом Дубе, к остывшему чаю из желудей, усвоив главный урок этого дела: в лесу, как и в жизни, самые запутанные преступления редко бывают делом рук одного злодея. Куда чаще это результат десятка маленьких, вполне объяснимых слабостей, аккуратно сложенных кем-то более расчётливым в одну большую катастрофу.

Дело о Теремке было закрыто. Оставалось только дожидаться следующего дождливого утра — и следующего стука в дверь.

КОНЕЦ

ТЕРЕМОК. Заколдованный лес

Он шел медленно, не глядя по сторонам и не поднимая головы. Когда ты самый крупный хищник в округе – тебе вовсе не обязательно прислушиваться к каждому шороху и бояться, что за очередным кустом на тебя выпрыгнет кто-то страшный, опасный, желающий тебя сожрать. Нет, возможно, кто-то и выпрыгнет, но это скорее может произойти по причине того, что он будет убегать от другого, более мелкого хищника, а такой огромный хищник за кустом станет для него весьма неприятным и нежелательным сюрпризом, или же выпрыгивающий будет просто неуравновешенным психом, у которого напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Ведь нужно быть действительно не в себе или иметь такую смелость или наглость (или слабость), чтобы броситься на Медведя...

Именно поэтому Медведь шел, не спеша, даже по тому участку леса, в котором до этого никогда не был. Зачем шел? Да просто так. От скуки. Попробуй проживи на одном квадратном километре всю свою медвежью жизнь – от тоски волком выть научишься. Вот Потапыч и решил расширить географию знакомых ему мест, притом что места те были необычные, ведь лес этот звался у людей Заколдованным. И неспроста...

Уже смеркалось, и Медведь заметил за деревьями что-то примечательное, что-то, что среди общей зелени контрастно выделялось и не могло не привлечь взор. Обойдя деревья и кустарники, Медведь вышел на небольшую поляну – дворик перед теремом. Сам же терем звери ну никак не могли построить: невысокий, в два этажа дом, выкрашенные в синий цвет причелины, резные ставни, и широкое крыльцо, что словно было пристроено к дворянской усадьбе. Все это, бесспорно, было. Было когда-то, не сейчас. Теперь же Медведь стоял напротив терема, чья крыша прохудилась, причелины выцвели, а местами и вовсе отсутствовали, ставни на каких-то окнах висели криво, на каких-то были заколочены досками, а крыльцо засыпало старыми, еще прошлогодними листьями. Дверь же терема, казалось, была немного приоткрыта, что весьма удивило и заинтриговало Медведя. Он все же оглянулся по сторонам, словно забыв на мгновение, что был здесь самым крупным хищником, а потом решил войти в дом. С какой целью? – он и сам не знал. Вероятно, чтобы не завывать волком от скуки...

- Кто в тереме живет? – негромко проревел Медведь, заглянув в дом. Ответа не последовало, тогда он переступил порог и спросил уже громче: - Кто в невысоком живет?..

Глава 1. Мышка-Норушка

Несколькими днями ранее

Много ли нужно для жизни обычной Мышке, особенно когда твое семейство состоит из десятков братьев и сестер? Ответ прост: не много, а совершенно ничего. Вообще ничего. И никого. Именно об этом и мечтала та самая Мышь: чтобы в ее жизни не было ничего. Тишина и покой без постоянной мельтешни – вот то, что хотела найти в Заколдованном лесу маленькая Мышка-норушка. Но только не в норе, ведь в любой норе она бы встретила себе подобных, и про покой тут же можно было забыть. Поэтому, когда маленькая Мышка увидела огромный человеческий терем, она сразу поняла – ей туда. Людей, что правда, она никогда не встречала и не знала, чем может грозить жизнь с ними, но вот то, что от этого огромного деревянного дома не пахло ее сородичами, ее вполне устраивало.

Дверь была весьма широко открыта, а приятный аромат, что шел из терема, просто сводил Мышку с ума.

- Кто-кто в теремочке живет? – пропищала она, быстро шевеля носиком. – Кто-то в высоком живет?

Но никто не ответил, и маленькая Мышка быстро прошмыгнула внутрь. Оказавшись на первом этаже дома, она осмотрелась: пыльно, старые листья, что задуло сюда сквозняком, разбросанные рваные лоскуты человеческой одежды – все, что требуется для мышиною уюта и комфорта. Но все это на потом. Запах... Он манил Мышку-норушку, заставляя ее быстро взбираться по гнилым, старым, скрипучим ступеням на второй этаж, но она была настолько мала, что под ней не скрипнула ни одна половица.

Наверху все было примерно так же, как и внизу, и Мышке это нравилось: она уже обдумывала, как будет здесь жить-поживать да добра наживать. Запах же шел из-за закрытой двери, но дверь та Мышке не была помехой, ведь между нею и полом имелась вполне широкая щель, через которую Мышка и прошмыгнула...

Оказавшись в пыльной комнате, Мышка с удивлением смотрела на огромное количество непонятных ей приспособлений, от каждого из которых притягательно пахло чем-то особенным, чем-то, что она никогда не встречала ранее, но что сводило ее с ума так, словно она искала это всю свою короткую мышиную жизнь. Подойдя к одной небольшой деревяшке, к которой крепился какой-то механизм, совершенно не интересующий Мышку, она мечтательно посмотрела своими маленькими, черными глазами-бусинами на желтый кубик, источающий тот самый сводящий ее с ума аромат. Мышка приподнялась на задние лапки, все так же быстро шевеля носиком и усиками, и довольно отметила: ароматных желтых кубиков ей хватит очень надолго! Лишь бы ее многочисленные братья и сестры не узнали об этом волшебном месте...

На улице поднялся ветер, задувая в приоткрытую дверь старого терема еще больше прошлогодних листьев. По первому этажу сквозняком в очередной раз разносило желтые листы бумаги, на которых люди, о каких никогда даже не слышала Мышка-норушка, когда-то давно делали записи, здесь оставленные. Затем в Заколдованном лесу пошел дождь, сверкнула молния. Раскат грома, что разнесся по всей округе, напоминающий грозный рык огромного, страшного чудовища, заглушил щелчок, что раздался на втором этаже старого терема, заглушил он и последующие щелчки, спровоцированные первым, заглушил он и последний писк Мышки, что впервые в своей короткой жизни хотела испробовать сыр, не зная, что по древнему мышиную поверью встретить маленький, ароматный желтый кубик – к скорой смерти...

Глава 2. Лягушка-Квакушка

Накануне дождь лил всю ночь, и маленькая зеленая Лягушка, выбравшаяся из болота, чтобы посидеть под каплями дождя, задремав, осталась на видном месте недалеко от ивы до утра. Кожа на ее спинке начала засыхать, и Лягушка, слишком поздно придя в себя, поняла, что так быстро, как ей хотелось бы, до болота ей не добраться. Двигаясь медленно, она стала легкой добычей для вороны, что весьма проворно схватила зеленую квакушку, однако Лягушка, буквально встав у птицы поперек горла, вынудила ту выронить свою добычу, пролетая над лесом. Опасность была слишком велика: день у Лягушки явно не задался, однако ей повезло – она шлепнулась ни на сухую землю, а в большую лужу, что образовалась после ночной грозы прямо около огромного деревянного терема, каких Лягушка никогда раньше не видела. Хотя она никаких теремов ранее не встречала, всю свою жизнь проводя на болоте среди камышей.

Квакая и оглядываясь по сторонам, Лягушка не знала, куда ей податься, как вдруг услышала кваканье, что исходило из терема. Раздувая свой кожаный мешок, Лягушка квакнула ответно и направилась к дому, казавшемуся ей просто огромным.

- Кто-кто в теремочке живет? – поквакая, спросила она, прыгая по первому этажу дома.
– Кто-кто в высоком живет?

Ответа не было, только наверху кто-то снова квакнул. Лягушка поскакала по ступеням вверх, не замечая, как по этим же ступеням следом за ней тянется черная тень. Черные тени накрывали тем временем и лес: грозовые тучи снова сгущались, начинал моросить дождь, вдалеке гремел первый гром.

На втором этаже прямо перед Лягушкой была закрытая дверь, из-под которой крайне неприятно пахло: с неким презрением Лягушка проскакала рядом, не имея никакого желания проверять, что же там так пахло. А вот другая дверь, которая не была закрыта, ее заинтересовала: именно за ней повторилось лягушечье кваканье. Запрыгнув в комнату, на стенах которой висели желтые листы бумаги с какими-то записями и чертежами, Лягушка стала искать собрата, который и мог здесь квакать, но то, что предстало ее взору, в ее маленькой зеленой головке никак не могло уложиться.

Запрыгнув на стол, Лягушка увидела такую же квакушу, как и она, но та лежала на столе с растянутыми в разные стороны лапками и с препарированным брюшком. Это Лягушку до жути напугало. Глядя на собрата, к лапкам которого были привязаны тоненькие провода, Лягушка понимала, что он квакать уж точно не мог, а кто это делал – оставалось загадкой. Слишком глупа, чтобы понимать, что именно здесь происходит, но достаточно умна для того, чтобы понять, что отсюда пора уходить – Лягушка-квакушка уже хотела спрыгнуть со стола и поспешить покинуть человеческий терем, как вдруг за заколоченным досками окном блеснула молния, осветив поляну напротив теремка. Тельце препарированной амфибии тут же содрогнулось, что напугало наблюдающую за этим живую Лягушку еще больше.

И тут кваканье повторилось: обернувшись, Лягушка увидела, что на полу сидит несколько десятков таких же неживых ее собратьев, как и тот, что лежал на столе. Странно: их брюшки были вспороты, но лягушки квакали, хоть и не все из них могли даже ровно сидеть. Глаза у всех помутнели, а у некоторых и вовсе закрылись и не могли открыться потому, что слиплись. И все же хор мелких мертвых лягушек продолжал квакать. После раската грома на небе снова блеснула молния, и тельце квакиши опять содрогнулось, после чего и эта особь, все еще растягиваемая за лапки в разные стороны тоненькими проводками, протяжно, мерзко квакнула. Сама же Лягушка-квакушка попыталась выбраться из комнаты, но дверь с тихим скрипом захлопнулась, а рядом с ней уже сидело несколько неживых жаб.

Кваканье в том теремке разносилось еще долго, напоминая истерический хохот душевнобольного, творившего некое неподдающееся здоровой логике безумие. А потом все затихло, и только скользкое тельце бесшумно подергивалось, когда на небе сверкала молния.

Глава 3. Зайчик-побегайчик

Заяц бежал долго, перепрыгивая незнакомые ему кусты и пытаясь укрыться в чужих норах, но эту часть Заколдованного леса он не знал, а потому, заприметив человеческий терем, с опаской оглянувшись по сторонам, он шустро забежал в щелку в двери. Но Заяц был тем еще трусом, а потому понимал, что здесь может обитать еще кто-то более страшный, чем Лиса, что преследовала его. Отчасти он оказался прав, но вот понял он это не сразу...

- Кто-кто в теремочке живет? – дрожащим голосом пробормотал он, пока сердце бешено колотилось в груди. – Кто-кто в деревянном живет?

- Я – Мышка-норушка... - послышался слабый голос откуда-то сверху.

- Я – Лягушка-квакушка... - оттуда же раздался странный, совсем не похожий на лягушечий голос. – А ты кто?

- А я – Зайчик-побегайчик, - дрожа от страха, с трудом проговорил он. – Пустите меня к себе... От Лисы убегаю.

Послышался противный скрип, и заяц увидел, как чуть правее от него открывается старая деревянная дверь, ведущая в подвал, словно приглашая перепуганного Зайца спрятаться от Лисы там. Еще раз быстро оглянувшись по сторонам, убедившись, что Лисы рядом нет, Заяц шмыгнул в темноту сырого подвала терема.

Спускаясь по ступеням, он услышал за собой скрип, а затем и хлопок – дверь закрылась. Сердце у Зайца забило еще сильнее, хотя он никогда не боялся темноты в своей норе. Но здесь было что-то другое... Здесь обитал кто-то иной.

Вдруг вдалеке загорелось два маленьких огонька, и Заяц понял, что это глаза того, кто там прячется так же, как и он.

- Ты кто? – с опаской спросил Заяц.

- Заяц, - ответил кто-то из темноты.

- И я Заяц, - немного успокоившись, сказал он. – Ты тоже прячешься?

- Нет, - сказал голос. – Я тебя жду.

- Меня? – удивился Заяц.

- Да.

- Давно?

- Очень.

- Зачем?

Ответа не последовало. Вместо этого глаза стали подниматься все выше и выше, и Заяц понял, что тот, с кем он разговаривал, никак не мог быть зайцем, ведь был он намного больше его, даже больше Лисы.

- Ты не Заяц... - проговорил Заяц, пятясь и уже приготовившись побежать наверх.

- Я могу быть зайцем, - сказал голос, что стал теперь грубее и страшнее, - а могу и лисой. А могу и волком. А могу и человеком.

- А ты человек? – трусливо пролепетал Заяц.

- Как раз таки нет, - насмешливо окрикнул жуткий голос.

- Тогда я пойду?

- Я так не думаю...

- А как ты думаешь? – сердце Зайца уже тарахтело у него в горле.

- Я думаю, Зайчик-побегайчик, что ты уже добегался...

Заяц прижал большие уши, видя, что светящиеся глаза стали к нему приближаться. Он хотел было побежать по ступеням вверх, но, обернувшись, увидел там еще одну пару глаз – эти же светились красным цветом. Из щелей в старой подвальной двери на ступени попадало немного света, и Заяц смог рассмотреть обладателя красных огоньков: на первый взгляд каза-

лось, что на него и впрямь смотрел заяц, так похожий на него самого, и все же то был не заяц... Чудище было в несколько раз больше Зайчика по размеру, его светло-серая шерсть была сваляна так, словно существо и вовсе не было живым, а когда оно открыло свой рот, Заяц увидел там острые, как иголки, зубы. Заяц вскрикнул, и его мех тут же окропило красным...

- На удачу сгодится... - захохотал жуткий голос из темноты, вешая на подвальную дверь заячью лапку. – Да еще и две...

Глава 4. Лисичка-сестричка

Лиса шла по следу Зайца, предвкушая не только сытный ужин, но и самоутверждение, как личности, ведь загнать косоного было не так-то просто. Когда она подошла к человеческому терему, что странным образом стоял в чаще Заколдованного леса, и унюхала след Зайца, что уходил непосредственно в дом, она отнеслась к этому с опаской, ведь уже неоднократно встречалась с людьми, воруя у тех рыбу или кур. Но человеком здесь не пахло, а вот Зайцем...

- Кто-то в теремочке живет? – с хитринкой в голосе спросила Лисичка, когда заглянула в дом. – Кто-то в невысоком живет?

Что-то зашуршало в большой комнате, что была расположена напротив входа, что-то там зашелестело.

- Я – Мышка-норушка, - послышался оттуда странный, тихий голос.

- Я – Лягушка-квакушка, - кто-то проговорил там же.

- Хмм, – облизываясь, прошептала Лиса. – А у меня намечается банкет из нескольких блюд?..

- Я – Зайчик-побегайчик... - тихим, обреченным голосом проговорил, как думала Лиса, Заяц, и тот приглушенный голос шел откуда-то снизу.

- Во дурак, косой, - усмехнулась сама себе Лиса. – Столько бежал, чтобы так легко самому же и сдаться... Ну что ж... Осмотримся...

Сперва Лиса бесшумно прокралась в большую комнату, откуда слышала шорохи. У дальней стены она заметила ворох тряпок, которые как-то странно шевелились, словно под ними кто-то был.

- Как интересно... - прошептала, облизываясь, Лиса, но, прыгнув передними лапами прямо на шевелящиеся тряпки, примяла лишь ткань – внизу никого не было. – Перехитрить удумали? Кого – меня?!

Вдруг наверху раздался скрежет, как если бы себе вила гнездо мышь. Лиса уже хотела было побежать на второй этаж, как вдруг заметила в другом углу комнаты отвернутого от нее зайца, что уткнулся в стену в надежде, вероятно, что так его не заметят.

- А вот и Зайчик-побегайчик... - ехидно проговорила Лиса и, крадучись, стала приближаться к Зайцу.

Странно, но Заяц совсем не двигался, и это немного, но настораживало Лису, поэтому, подойдя к нему близко, она не бросилась на него, а лишь ударила лапой. Светло-серая заячья шкурка упала, немало удивив Лису: кто-то положил снятую с Зайца шкуру на гору сухих, прошлогодних листьев, сметенную в угол. Лиса отпрянула, но через мгновение обнюхала шкурку и разглядела ее: несомненно, запах принадлежал тому же Зайцу, за кем она и гналась, но кто же его освежевал? Кто же содрал с него шкуру, положив ее здесь в углу? Не было ни мяса, ни костей – ничего, чем планировала поживиться и сама Лиса, но кто-то ведь это с косым сотворил!

В коридоре послышался шорох. Лиса обернулась на него, но пойти туда не решалась.

- Я – Зайчик-побегайчик, - послышался оттуда тихий голос. – Я – Зайчик-побегайчик, - повторил тот же голос, но уже чуть громче. – Я – Зайчик-побегайчик, - сказал теперь кто-то, кто был совсем рядом, а именно там, где лежала шкура Зайца.

Медленно обернувшись, Лиса увидела тушку зайца, что сидела перед ней на задних лапах, а поверх окровавленного (и такого аппетитного!) заячьего тельца лежала шкура с ушами, так же как и одежда, что на себя надевают люди. Вот только у отчего-то полуживой (или полумертвой?) заячьей тушки не было передних лапок.

- Для моего наряда не хватает воротника... - каким-то образом проговорил мертвый Заяц. Он стал надвигаться на Лису, которая, испугавшись, стала пятиться. Шкура свалилась с

окровавленной, выглядевшей отнюдь не аппетитно даже для хищника, туши, и Лиса поняла: теперь охотятся на нее, ведь у полудохлого Зайца во рту были огромные, острые зубы.

Лиса взвизгнула, а по терему разнесся странный хохот: он не был человеческим, но он и не принадлежал никому из зверей, что вошли в тот терем. Казалось, смеялся сам дом...

Глава 5. Волчок-Серый бочок

Он давно не жил в стае: потрепанный, с полинявшей, свисавшей клоками с боков шерстью, со сломанным зубом и несправедливой судьбой, чьи сюрпризы ему изрядно поднадоели. Зимой из-за рыжей плутовки он лишился хвоста, за что с позором и был изгнан из стаи. Это же надо было поверить, что на хвост будет ловиться рыба?! стыдоба...

Волк брел как можно дальше от привычного ему места обитания, чтобы не встречать сородичей, которые могли разве что покусать изгоя. Но вдруг он учуял до боли в хвосте знакомый запах...

- Лиса... - облизываясь, проговорил Волк. - Ах ты плутовка... Какими путями сюда забрела?

Он шел по ее следу, предвкушая вкус мести. Серые бока у Волка впали, ребра выпирали, что говорило о его не очень успешной охоте в последнее время, потому, подойдя к необычному человеческому терему, откуда исходили весьма странные, как для жилища человека, запахи, волк и удивился, и обрадовался, и насторожился одновременно. Он на собственной шкуре знал, что такое гнев человеческий, а потом, просовывая нос в приоткрытую дверь, решил прямо спросить о тех, кто здесь мог обитать, чтобы в случае опасности быстро унести отсюда свой оборванный хвост.

- Кто-кто в тереме живет? - осторожно спросил он, чувствуя запах той самой Лисы, а еще запах гнили и запах свежего мяса... - Кто-кто в невысоком живет?

- Я - Мышка-норушка, - медленно, протяжно пропищал откуда-то тонкий, весьма уверенный голос.

- Я - Лягушка-квакушка, - обреченно и совершенно безэмоционально проговорил кто-то сверху.

- Я - Зайчик-побегайчик, - прорычал так, как не умел рычать и сам волк, кто-то снизу, со стороны двери, что вела в подвал.

- А я - Лисичка-сестричка, - проговорил знакомый Волку голос, что, правда, голос звучал менее уверенно, чем даже голос той же Мышки. Казалось, Лиса от чего-то страдала. Но от чего может страдать ее Хитрейшество? Разве что готовит очередную уловку...

- А я - Волчок-серый бочок, - негромко сказал Волк. - Пустите к себе... - он задумался. - Пожить...

Он сделал шаг вперед, под волчьей лапой закричала половица. Волчок посмотрел вверх, затем вниз - туда, куда вела открытая подвальная дверь, и зашагал в большую комнату, что представляла прямо перед ним. Вперед стояло человеческое отвернутое кресло, но людьми здесь не пахло, зато очень пахло Лисой. И не только ею...

- Патрикеевна, - облизываясь, проговорил Волчок, медленно шагая по большой комнате, - помнишь меня?

На полу из-за кресла выглядывал ярко-рыжий пушистый хвост, и это вселило в Волка больше уверенности.

- А не хочешь ли ты одолжить мне свой хвост? - спросил он, подходя к креслу. - А то я своего по твоей вине, знаешь ли, не так давно лишился...

Но рыжий хвост стал медленно скрываться за креслом, и Волк понял: Лиса сейчас покажется ему. Однако из-за кресла она так и не вышла, а Волчок, заглянув туда, никого там не увидел. Обернувшись, Волк заметил большую кучу сена, что немало удивило зверя. Вдруг эта куча зашевелилась, словно из нее хочет кто-то выбраться. Волк направил вперед уши, зашевелил носом, улавливая некое приятное его обонянию зловоние, а потом он увидел, как из середины этой кучи на самую верхушку выбралась Мышь - вероятно, та самая Мышка-норушка. Вот только выглядела она странно: торчащая в разные стороны шерсть, белесые глаза, разду-

тый живот, а хребет... Казалось, тот был перебит посредине, как если бы Мышку кто-то сломал пополам в обратную сторону. Повернувшись к волку, Мышка открыла свой отчего-то весьма зубастый рот и стала говорить голосом, что мог принадлежать медведю, но никак не Мышке:

- Иди к нам жить...

Волк взвизгнул, как щенок, инстинктивно поджал обрубок, где еще зимой был полноценный хвост, хотел уже было бежать, но заметил, как что-то вкатилось в комнату. Что-то маленькое, круглое – два предмета, в которые Волчок, будь он щенком, непременно захотел бы поиграть. Он просто не знал, что это были искусственные, стеклянные глаза, какие вставляют в голову чучелам во время таксидермии.

Волк услышал, как дверь теремка захлопнулась. Мышка, что сидела на сене, громко и протяжно запищала теперь уже привычным для нее голосом, а Волк слышал, как кто-то шагает по старым деревянным ступеням. Он знал о людях, он боялся людей, но в комнату не вошел человек – в комнату вообще никто не вошел, однако Волку было страшно так, как не было страшно даже тогда, когда он лишился хвоста. Волк чувствовал, что нечто темное нависает над ним, словно грозовая туча, из которой вот-вот посыпятся молнии. И они посыпались...

Глава 6. Медведь Косолапый

- Кто в тереме живет? – негромко проревел Медведь, заглянув в дом. Ответа не последовало, тогда он переступил порог и спросил уже громче: - Кто в невысоком живет?..

Но в теремке было тихо. Пройдя внутрь, Медведь почувствовал, что кто-то словно за ним следит, но он никого не увидел. Войдя в комнату, что была на первом этаже, перед ним предстала весьма странная и жутковатая, даже для такого опытного хищника, как Медведь, картина: прямо посреди комнаты сидели и не двигались животные, которые стали по очереди отвечать незваному гостю:

- Я – Мышка-норушка...
- Я – Лягушка-квакушка...
- Я – Лисичка-сестричка...
- Я – Волчок-серый бочок...

Затем все четверо весьма необычными голосами хором спросили:

- А ты кто?

- А я – Медведь косолапый... - проговорил Медведь, пытаясь понять, что с этими зверями было не так. Он подошел ближе, и вдруг все четверо исчезли: развеялись дымкой, белым туманом, который враз заполнил собой всю комнату. Медведь разозлился, заревел на весь терем и уже обернулся, чтобы уходить, но увидел еще что-то странное и необычное: в дальнем углу, казалось, стоял Волк, но выглядел тот весьма нелепо. Подойдя к нему ближе и уже планируя сильной лапой толкнуть этого наглеца, удумавшего шутки шутить, Медведь замер: Волк не был живым. Присмотревшись к нему, Медведь понял, что это было лишь чучело, набитое соломой, а глаза и вовсе были стеклянными. И вот же странная штука: у чучела Волка не было хвоста...

Медведь разозлился еще больше. Отойдя от чучела, он, будучи весьма неуклюжим из-за своих размеров, врезался спиной в предмет человеческой мебели. Разумеется, Медведь не знал, что это называется креслом, но вот то, что на кресле лежит отменный лисий воротник, он знал: мягкая шерстка, просушенная шкурка, и даже мордочка, из которой, разумеется, были удалены глаза и прочие органы, была на месте. Казалось, Лисичка улыбалась Медведю. Он не заметил, что на окне стояла склянка – баночка, какими пользуются люди. И вот в той баночке на него белесыми глазами глядела маленькая Мышка с перебитым хребтом, залитая специальным раствором, который способен сохранить ее на долгие и долгие годы, как, впрочем, сохранится и чучело Волка. Зато Медведь заметил, то на стене в рамке висит необычная «живая» картина: препарированная Лягушка, чьи внутренности были аккуратно разложена и прикреплены к основе картины. Рядом с рамкой на удачу висела светлая заячья лапка – такая же, как и на внутренней стороне парадной двери теремка.

- Чертовщина, - зафыркал Медведь. – Кто на зверей лесных покушается?! Кто бесовщиной промышляет! Разнесу весь этот ваш теремок, бесы проклятушие!

Медведь поспешил из комнаты, в какой увидел все те жуткие вещи, подошел к лестнице, что вела на второй этаж, и стал ломать перила, чтобы обрушить верхний этаж дома, и ему это почти удалось, если бы одна из досок с забитым в нее гвоздем не упала бы на Медведя сверху, пробив тем самым гвоздем ему самое темечко. Нет, убить такой удар Медведя не мог: пробить толстый череп такого огромного зверя не так-то просто – гвоздь оцарапал голову Медведя до крови и разозлил косолапого еще больше. А вот тот самый белый туман, что надвигался на Потапыча из комнаты на первом этаже, представлял для Медведя куда большую опасность... Пока тот ревел из-за раны на голове, туман, в котором иногда проглядывались то Волк, то Заяц, то другие звери, который теремок оставил в себе, окутывал Медведя все больше, пока тот не понял, что все его внутренности, казалось, горели огнем.

- Что? – заревел Медведь, пытаясь прогнать от себя туман. – Что происходит?!

Он бросился к двери, но та была заперта, и даже могучие лапы не могли выломать ее. Тем временем Медведь слабел – туман вытягивал из него душу, чтобы та встала в один ряд с остальными зверьми. Огромный хищник упал на пол, где ему и предстояло остаться на долгие годы...

Наутро солнце, заглядывая в щелки между досок, какими были заколочены ставни, осветило грязную склянку, стоявшую на окне, в которой была залита специальным раствором Мышка; осветило оно и Лягушку, чье разрезанное тельце висело на стене в рамке; осветило лежавший на старом кресле рыжий воротник из Лисички, которую, наконец-то, перехитрил кто-то, кто был хитрее ее; осветило чучело Волка, которому никогда не везло; а теперь еще и осветило бурую шкуру огромного Медведя, что была расстелена на пыльном полу прямо перед креслом. Но последующие путники, входя в этот теремок, что стоит в Заколдованном лесу, первое, что замечали – это светлую кроличью лапку, что висела на двери. Даже две.

На удачу.

НАСЛЕДНИЦА

- Сонь, я твои сторисы посмотрела и, вот честное слово, так обрадовалась! Сонечка-а-а! – слишком уж умилительно и слащаво это прозвучало из уст Жанны. – Ну, надо же было такому счастью на твою голову свалиться, подруга!

О! Значит, подругами уже стали? Даже по имени называет.

- Спасибо, Жанн...

- А я тут знаешь, подумала и решила... нафига мне кому-то там деньги платить? Прямо жаба давит! Давай я у тебя эти два конкурсных дня проживу? Заплачу, конечно, сколько скажешь.

Начинается! Пока Соня не получила наследство, про нее за год никто и не вспомнил из бывших одноклассников. Счастье любит тишину, а липовое счастье – тем более! И зачем она только решила откупорить ту бутылку? Захотелось почувствовать себя важной персоной, которая попивает вино из изящного бокала, сидя в плетеном кресле на балконе и любуясь потрясающим закатом, окрашивающим город в розовато-сиреневый цвет. А когда красное полусладкое уже возымело свое действие, серой мышке, которая вечно скрывалась в тени своих ярких, уверенных в себе одноклассниц, взбрело в хмельную голову поделиться таким шикарным видом со своими немногочисленными подписчиками в давно заброшенной соцсети.

В большинстве своем это и были те самые одноклассники, которые несколько лет только и называли ее Мышкой. Прямо в глаза! Ее – Софью Романову! Вот Жанну Болотову, только за глаза некоторые обзывали жабой болотной. Да и остальным никаких прозвищ не лепили. А она, значит, Мышка! И нахлынула обида на Соню в тот вечер, решила выпендриться на свою голову. И чем только она думала?! Так! Спокойно! Идея, как разрулить сложившуюся ситуацию пришла быстро.

- Ну что ты, Жанн! Приезжай, конечно. Только на два дня, ладно? У меня тут кое-какие сложности, потом расскажу...

- Сонька! Мышка, ты наша! Жди. Завтра буду.

Ага! Ждет в радостном нетерпении.

Соня отшвырнула телефон на диван и начала мерить шагами большую гостиную. Стоит ли поставить в известность Терезу Алексеевну о навязавшейся гостье? Так-то она ничего не говорила и никаких условий не ставила, чтобы ее квартирантка никого за порог не впускала. Нет, лучше умолчать об этом. А то скажет, что не успела уехать, как у нее тут проходной двор устроили. Соня за такую квартиру бы переживала точно. Как ей вообще доверили такие хоромы?! Тут только антиквариата сложно представить на какую сумму – картины, статуэтки разные, посуда за стеклянными створками старинных сервантов, мебель. Соня немного, но разбирается во всем этом. Ее дед дружил с хозяйкой этой квартиры и восхищался ее коллекцией. Он был страстным любителем повидавших жизнь дорогих вещей.

Что ж! Придется поплакаться Жанне, рассказать, что вместе с недвижимостью унаследовала и большие долги, что квартиру придется продать, а все, что в ней находится не более чем хорошие подделки, не представляющие собой большой ценности.

Так Соня и поступила. Жанна постаралась изобразить вселенское сочувствие на своем лице, но все, кто хорошо ее знает, однозначно распознали бы эту мимолетную вспышку злорадства в ее взгляде. Она прошлась по комнатам, не задерживаясь ни перед одним из произведений искусства или предметов старины. Ее интересовали только площадь квартиры, инфраструктура района и вид из окон.

- Слушай! Меня бы, конечно жаба задавила все в уплату долга вбухивать. Тебе-то хоть что-то останется с этого?

- На однушку, может, наскребу, - неуверенно ответила Соня, вспоминая, мог ли кто-то из одноклассников знать, что ей досталась от деда однокомнатная квартира.

- И то неплохо. Чем совсем ничего.

У Жанны зазвонил телефон, и она поспешила ответить.

- Да, нашла где перекантоваться. Ага! Угадайте у кого я сейчас?! – она лыбилась во все тридцать два зуба, интригуяще приподнимая брови и игнорируя напряженное выражение на лице Сони. – Да! В ква... в квартире нашей Мышки! Давайте... подтягивайтесь, конечно. Веселее будет. А то когда еще увидимся? Сейчас пришлю адрес. Океюшки!

- Кто это там еще? - Соня не смогла скрыть досаду.

- Зайцев с Рыжовой. Слышала, что он Алиске предложение сделал?

- Нет...

- Короче, они решили просто расписаться. Свадьбы не будет, а отдыхать вот в Египет поедут. У них рейс завтра в ночь. Думали со мной вместе заселиться в хостел. А тут у тебя вот какие апартаменты. Классно же! Посидим, повспоминаем...

- Угу...

Часа через два пожаловали молодожены – Костя Зайцев и Алиса Рыжова. На, не заставивший себя ждать, вопрос от Жанны сменила ли она фамилию, Алиса ответила, что осталась при девичей. Она изящным движением руки поправила свои рыжие локоны, после приветственных объятий и поздравлений от одноклассниц, и мягкой походкой отправилась осматривать наследство Сони, пока Костя суетливо пристраивал их багаж в углу прихожей.

Алиса, в отличие от Жанны, с интересом рассматривала убранство квартиры, будто прохаживалась по музею. Костя присоединился к ней и, неустанно поправляя очки на переносице, соглашался со всеми комментариями своей благоверной.

А Соня мысленно старалась принять ситуацию и смириться с тем, что выходные придется провести в компании тех людей, с которыми у нее связаны самые неприятные воспоминания. Даже столь шикарное наследство не сделало ее более значимой в их глазах, а лишь только стало поводом снова использовать ее. Как и в школьные годы. У Сони всегда можно было списать, попросить ее выполнить задание, взвалить на нее групповой проект, и шпоры она напишет разборчиво, и прикроет перед родителями любую из «подруг», если они скажут, что гуляли с ней. Мышка хорошая, всегда готова помочь. После окончания школы даже видеться с ними не было желания. Именно с этой троицей и еще парой одноклассников.

Вот и сейчас, они чувствуют себя как дома, а ее присутствия почти не замечают. Все их разговоры вертятся вокруг воспоминаний о каких-то тусовках, в которых она не принимала участия.

- Кстати, Серега тут же обитает, – напомнила Алиса, когда речь зашла о Волкове. – Зай, напиши ему! Может, приедет...

Соня, готовившая пасту для дорогих гостей, не удержала в руке крышку от кастрюли, и та закрылась с грохотом.

- Мышуль, может, что-то закажем еще? Серый-то вечно голодный, помнишь?

В это момент Соня еле сдержала сильное желание запустить в Жанну вилкой, которой перемешивала в бурлящей воде макароны. Вместо этого она сделала короткий вдох и выдох и, обернувшись, пожала плечами.

- Да как хотите! Решайте сами...

Она надеялась, что Жанне стало понятно - оплачивать еду на заказ им придется самим.

- Зай, давай закажем... ну, типа проставимся, отметим в легкую нашу свадьбу с Соней? – захлопала ресницами Алиса.

Костя не мог ей отказать, конечно же. Он сообщил, что Волков скоро будет, а Соня почувствовала подергивания в районе правого глаза. Казалось бы! Волков одинаково стебался над всеми и делал это как-то беззлобно, с иронией, но его приколы и смущали и задевали

ее больше всего. Наверное, он был очень наблюдательным и быстро просекал у кого какие привычки, повадки и комплексы, чем не гнушался воспользоваться в самый неподходящий для жертвы его шуток момент. В старшей школе, на радость многих одноклассников, Серый повзрослел и стал более сдержанным в остроумии. А кто-то считал, что он тоскует по девочке из параллельного класса, которая переехала куда-то в другой город, и поэтому стал каким-то отстраненным и равнодушным к происходящему вокруг.

- Ууууу! – протянул он с порога, оценивающе оглядывая «хозяйку». – Мышка! А ты похорошела! Очень идут тебе кудряшки, не то что твой неизменный серый хвостик. Извини. Правда, классно выглядишь.

- Спасибо. Ты тоже...

Его оскал выглядел вполне добродушным и искренним, и Соня почувствовала, как тепло прилило к щекам. Даже приятно было услышать такие комментарии на свой счет от Волкова. И этот взгляд, скользнувший по ее топу к бедрам в облегающих домашних бриджах, тоже был приятен. Она даже поймала себя на том, как выпрямила спину и расправила плечи. А его она поймала на том, что Жанну и Алису он разглядывал не менее одобрительно. В отличие от нее, девчонки, не стесняясь, обнялись с ним и расцеловались в щеки. В школе они были друзьями «не разлей вода» и сейчас, наверняка, продолжают общаться. И Соня совсем не удивилась, когда они поведали ей, что на регистрации брака Кости с Алисой свидетелями были Серега и Жанна.

Отлично! Они что, сговорились устроить тут у нее сходку? Два дня, всего два дня! Соня вообще-то полагала, что Жанна будет большую часть времени пропадать на своем конкурсе, а оказалось, что от нее всего-то требовалось утром завезти свои акварели организаторам, а следующим вечером забрать их и получить причитающуюся награду, если займет призовое место. Всех остальных она вообще не надеялась уже никогда увидеть, потому что ни на какие там встречи одноклассников не пошла бы точно. Забавная ситуация, конечно, только ей совсем не весело.

В общем, на обед умяли пасту, сдобренную тушеными овощами с фаршем, а вечером решено было гулять на свадьбе. Волков любезно поинтересовался у Сони, не станет ли она возражать, если он предложит к ним присоединиться его девушке – Миле Овечиной, той самой, которая училась в параллельном классе.

- Вы с Милой встречаетесь? – искренне удивилась Соня. – Конечно, пригласи...

- Волк и овечка! – усмехнулась Жанна. – И он еще в загсе над ними ржал, чуть регистрацию не сорвал.

Алиса с Костей поддержали ее, посмеиваясь и в шутку упрекая Волкова в безответственности.

- Прикинь, Сонь, - рассмеялся и он, вспоминая, - надо подпись ставить в этом важном журнале, а на меня такой смех напал. Не вовремя пришло в голову как в той сказке, где лиса у зайца избу отжала. Вроде че такого смешного, а на ха-ха пробило конкретно. Переволновался, наверное. Это же так почетно - быть свидетелем. Короче, я им не желаю сказочной жизни.

Они снова начали вспоминать разные прикольные случаи в их совместном времяпровождении, а Соня только слушала и улыбалась. Ей нечем было поддержать разговор, ее там не было. Нет, ее это вовсе не расстраивает. Она и сейчас предпочла бы остаться в одиночестве, выбрать хорошую книгу из довольно большой библиотеки Терезы Алексеевны, и забыться вместе с ее героями. Жаль, что на балконе не получилось бы расположиться, потому что с утра, не переставая, моросил дождь, делая хмурый, апрельский, выходной день подходящим для чтения книг или просмотра сериалов в компании с уютным пледом. А не вот это вот все!

Ближе к вечеру Волков поехал за Милой, а вернулись они с накачанными гелием воздушными шарами, и разметали их по гостиной, в интерьере которой такие украшения выглядели неуместно – как-то слишком дешево и по-современному. Мила была все такой же миловидной

блондинкой с забавными веснушками, только стала более женственной и привлекательной за эти годы. Вместе с Волковым они отлично смотрелись – действительно, как хрупкая овечка и хищник, который сам ее никогда не обидит и порвет любого за нее. Надо же! Лет пять прошло, как Мила переехала и все это время они поддерживали отношения на расстоянии, а когда окончили школу, поступили учиться в одном городе.

Продолжились разговоры об их школьных годах. Соня даже словила нечто ностальгическое, в своих воспоминаниях. По большому счету, она ничего бы не изменила, будь у нее такая возможность. Она выручала ребят по многим вопросам, а они ее особо не задирали, сравнительно с некоторыми другими одноклассниками. Подростки бывают очень жестокими...

- Сонь, а ты с Потаповым общаешься?

От неожиданного вопроса Волкова, она задержала дыхание, чувствуя, как по щекам пробежали мурашки, оставляя после себя жар.

- Н-н-нет... А что?

- Да просто интересно. Он вообще потерялся, из всех чатов вышел. Ну, понятно, что мы ему нафиг не нужны, я думал с тобой хоть контактит, - Серый измерил ее насмешливым взглядом, выжидая ответную реакцию.

- А с чего это с Мышкой-то ему связь держать? – округлила глаза Жанна.

- Действительно, - пробормотала Соня, не обратив внимания на очередное упоминание ее прозвища.

- Как с чего?! Вы же тогда сосались с ним за колонной на крыльце...

- Это неправда! – выдавила она, упрямо выпятив подбородок и стараясь не отводить взгляда от Волкова, боковым зрением, как все уставились на нее.

- Или собирались, - пожал он плечами. – А я вам помешал. Не специально! Честно! Я же не знал, что вы там обжимаетесь.

- Ни че себе!

Похоже, Жанна одна не была в курсе того случая на выпускном. Остальные не выражали удивления, а должны были. Потапов был самым крутым парнем в классе так-то.

- Ты все неправильно понял...

Сейчас Соня действительно чувствовала себя мышью загнанной в угол. Почему? Почему для нее так важно, что они будут думать? Важно? Да пошли они! Не станет она оправдываться больше ни перед кем! Похоже, что и им все равно, что там было у них с Потаповым, потому что разговор уже перетек в другое русло, не имеющее отношение к ним. Только Жанна как-то недоброжелательно покосилась на нее. Жаба! Красивая, но какая-то жаба. Скорее бы уже прошли эти два дня. Один уже почти... За окнами смеркается, дождь стих. Ей надо на воздух!

- В магазин схожу, за средством для посуды, - бросила она ребятам, занятым болтовней и сервировкой стола.

Только бы не разбили ничего из фарфора. Знала бы Тереза Алексеевна, что тут творится в ее отсутствие.

Накинув куртку с капюшоном, она быстро преодолела лестницы трех этажей и, выйдя на улицу, глубоко вдохнула холодный воздух. Щеки все еще горели. Волков, чтоб тебя! Завтра Жанна точно начнет ее допытывать. Ей точно не светит узнать, что Потапов пытался поцеловать Мышку, а она не была против. Сосались! Нашел, как выразиться!

Соня немного постояла под козырьком подъезда, наслаждаясь одиночеством и тишиной. Тут вечерами всегда тихо, молодежь не устраивает посиделки, пожилые жильцы, которых тут большинство, в это время уже по домам. Не то, что ее двор, куда постоянно кто-то да вызывает наряд полиции.

Она побродила по супермаркету, расположенному в соседнем доме, купила все необходимое, чего может не хватить в ее запасах, с таким количеством гостей, и поплелась обратно домой. В квартиру, которая на самом деле не являлась ее домом.

Уже почти стемнело. У входа во двор горел фонарь и над подъездной дверью тусклая лампочка. Соня сама не поняла, как ноги понесли ее не туда, а за угол дома, куда выходило кухонное окно, под которым она и замерла в темноте, старательно прислушиваясь. Девчонки точно на кухне. Смеются, а о чем говорят не разобрать. Позорище! Делать ей больше нечего, что ли? Тарится тут и подслушивает, как мышь, точно! В окне первого этажа было темно, и стало не по себе от ощущения, будто кто-то следит за ней оттуда.

Соня уже хотела направиться к подъезду, как вдруг уловила боковым зрением какое-то движение около кустов сирени в углу у изгороди. Замерла на месте как вкопанная и медленно повернулась в ту сторону, откуда тут-же донесся глухой хруст мокрой от дождя ветки под чьей-то ногой. Она будто окаменела, когда всматриваясь во мрак, увидела на фоне еще голых кустарников высокий, темный силуэт. Ее тело качнуло и выдало шаг назад, будто само решило спастись, пока мозг завис от охватившего ее страха. Темная фигура медленно двинулась вперед, снова послышался приглушенный шорох под ее ногами. Соня невероятным усилием воли заставила себя сделать еще два шага назад, чувствуя, как из груди поднимается истошный крик. Но вместо крика, получился сдавленный писк, а сама она уже разворачивалась, и на ватных ногах готова была нестись прочь. Она успела понять, что черная фигура быстро приближается, а ноги отказывались слушаться. Из нее вырвался звук уже похожий на сильную одышку, а в следующий момент со спины обхватили крепкие руки, и в то же мгновение чья-то ладонь прижалась к ее губам.

- Сонь, тише! Тише, не кричи, пожалуйста! – зашептал ей прямо в ухо знакомый хрипловатый голос. – Не шуми, ладно? Отпускаю.

Руки переместились к ее плечам и развернули на сто восемьдесят градусов. Соня уже узнала его, но все еще была скованна страхом.

- Т-т-ты сов-в-всем что ли?! – еле проговорила она, еще не в силах выдать какую-то эмоцию.

- Прости, пожалуйста. Не хотел тебя напугать, правда! С дороги увидел кто-то курит на балконе... у тебя гости?

На его лицо падала тень от капюшона и Соня не могла различить его черты, но четко представляла их по памяти. Умом она уже понимала, что бояться нечего, но сердце все еще учащенно билось.

- Вы договорились да?

Она сама не поняла – это обида прозвучала в ее голосе?

- С кем? О чем? Я ни с кем не договаривался...

- Миш, что ты тут делаешь?

- Прячусь.

- От кого?

- От ментов. Сонь, мне надо пересидеть где-то пару дней. Я ни в чем не виноват, клянусь! Завтра все прояснится, и от меня отстанут. Я отвечаю! Сонь, выручай!

Он продолжал держать ее за плечи, а она туго соображала из-за пережитого стресса. Уж кого-кого, а Потапова она точно не ожидала увидеть, да еще и под окнами своей квартиры. Не своей, но это сейчас не важно. Он тут и ищет убежище... у нее!

- У меня наши - Серый с подружкой, Жанна, Зайцев с Алисой. Подумала, что ты с ними. Я только Жанне адрес говорила, а она уже остальным...

- Черт! Их мне только не хватало, конечно! – будто рассердился Миша, но тут же его голос потеплел. – Сонь, давай им ничего о моих проблемах не скажем, а? Ты меня сама позвала, ладно?

- Я? – растерялась она.

- Пожалуйста, давай сделаем вид... что мы встречаемся?

- Я только что им сказала, что с тобой не общаемся вообще. Волков спрашивал...

Соня порадовалась, что в темноте он не заметит, как она густо покраснела.

- Скажи, что постеснялась признаться. Сонь! Да идут они вообще лесом! Я все разрулю, а?

- А как ты меня нашел?

- Давай, потом все объясню, ладно? – нетерпеливо зашептал он. – Пойдем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.